

Наталья Довгопол

В поисках Марии Магдалины

Часть первая. Искусство ради искусства

— Мам, смотри! Они приехали! — чумазый мальчишка лет восьми выбежал за ворота, восторженно размахивая руками.

Женщина оторвалась от стирки. Длинные ресницы взлетели вверх, бросая тень на покрытое тонкими морщинками обветренное лицо. Прачка вытерла платком пот и с любопытством взглянула на дорогу. Несколько сельских детей, весело хлопая в ладоши, бежали за огромной повозкой, увешенной лентами и бубенцами. Выцветший от дождя и солнца голубой навес мерно покачивался со стороны в сторону, скрывая от любопытных глаз бродячих артистов, которые, по слухам, дадут представление на замковой площади в воскресенье.

— Бертран, не убегай далеко, — крикнула в след мальчишке мать, возвращаясь к недостиранному белью. — Несносный ребенок! Одни игры на уме...

Но мальчик уже ничего не слышал. Влекомый звоном бубенцов, он бежал вслед за повозкой вместе с товарищами до тех пор, пока голубой

навес не слилась воедино с иссинне-голубым небом и бездонно синими глазами кудрявого ангела — девочки, что тайком выглядывала из-под покрывала, задорно улыбаясь юнцам. А возможно, даже ему, Бертрану. И от этой улыбки впервые в жизни у мальчишки за спиной выросли воображаемые крылья.

В воскресенье он стоял посреди ярмарочной площади, не обращая внимания ни на толчки толпы, ни на урчание в своём животе, учувшем запах свежеспечённых пряников. Открыв рот, мальчишка наблюдал за удивительными движениями артистов-жонглёров¹. Их гибкие тела сгибались в немыслимых акробатических движениях под звонкую музыку флейты и ритм бубенчиков, привязанных у них на щиколотках и запястьях. Вот актёр пародирует священника, а этот — знатную даму. Ещё несколько артистов перемазаны сажей — они изображают мавров. Толпа разрывается от хохота. И вдруг на подмостки выходит та самая голубоглазая девочка, окруженная по-мавритански одетыми танцорами, перевязанными разноцветными шелковыми поясами и с золочеными тюрбанами на головах.

---

¹ В средневековой Франции жонглерами называли универсальных артистов.

— Мореска! Мавританская пляска! — восторженно кричала толпа, рассматривая черненные лица и пёстрые одежды жонглёров, которые, звеня бубенцами, задвигались в невероятном ритме, ловко топя ногами, то скручивая свои тела, то выпрямляя их по струнке.

Белокурая девчонка, так запавшая Бертрану в душу, аллегорично изображала Невинность. Оказавшись в толпе танцующих «мавров» и в показном ужасе убегая от их безумной пляски, она взобралась на высокую лестницу над подмостками и... уверенно балансируя пошла по тонкому канату, натянутому прямо над головами зрителей.

Толпа замерла. Опасаясь даже дышать, зрители смотрели, как маленькая девочка сосредоточено ступала по верёвке, пока не достигла крыши соседнего дома, к которой и был привязан канат. Ступив на твёрдую поверхность, она глубоко вздохнула, сделала небольшой реверанс и улыбнулась ликующей толпе, гордо вздергивая вверх свой тонкий нос и победно поблескивая васильковыми глазами.

В тот же вечер артисты поехали дальше, и Бертрану так и не удалось поговорить с девочкой, спросить её имя, но он на всю жизнь запомнил огромные синие глаза, чудной мавританский танец и натянутый высоко над землей канат.

С того дня, когда Бертран впервые увидел бродячих артистов, в его голове плотно засела мысль, что жизнь — это не бесконечные свекольные грядки и пшеничные поля, церковные молитвы и чужое грязное белье. Будучи ещё мальчиком, но уже начиная думать о будущем, Бертран вдруг ярко представил, что жизнь может быть праздником! Новые города, звонкие бубенчики и яркие декорации манили его ароматом свободы и славы.

Бертран был младшим ребёнком в семье. Его брат, Франсуа, уже женился, и вместе с женой разводил свиней и заседал поля. Сестра Мария уже готовилась выйти замуж за сельского кузнеца и стать прилежной женой и хорошей хозяйкой. Бертран же, вопреки наставлениям родителей, решил во что бы то ни было стать бродячим музыкантом. Дни и ночи он дудел в самодельную флейту, пытаясь извлечь какие-либо приятные слуху звуки, но эта наука давалась ему медленно, с трудом. Бертран оказался талантливым совсем в другом.

Когда юноше исполнилось четырнадцать лет, в их деревне построили новый храм — церковь Пресвятой Богородицы, а расписывать его стены пригласили художника из самого Лиона по имени

мессер Кюри. И хоть маляром он был посредственным, но в провансальской деревушке мессер Кюри из Лиона прослыл величайшим живописцем.

Однажды, расписывая алтарь, Кюри увидел в церкви оборванного мальчишку с влажными карими глазами, растопыренными ушами и густыми черными ресницами, с интересом наблюдавшего за каждым движением мастера. В одной руке мальчика была корзинка с бельём, в другой — вполне сносно вырезанная флейта.

— Нравится? — самодовольно спросил Кюри, указывая на проделанную работу.

— Очень! — восторженно воскликнул мальчик. — Только, если б я умел рисовать... я бы добавил вон туда синей краски, а во-он туда желтой. А эту святую...

— Марию Магдалину?

— Да, Святую Магдалину... — парень посмотрел на пышные складки платья ученицы Христа, её полные улыбающиеся губы и чересчур близко расположенные глаза. — А Магдалину я бы сделал совсем другой. Немножко грустной, наверное, хрупкой и отрешенной... Я нарисовал бы её чуть выше — вон там, возле самих апостолов...

— Какой наблюдательный мальчик, — художник из Лиона недовольно поморщился, но интерес к юноше не утратил. Скорее наоборот. Он

отложил кисть, взял кусок угля и лист бумаги. Хитро сощурившись, он протянул их мальчишке.

— Как бы ты это изобразил?

И Бертран нарисовал. Не имея никаких навыков, не зная художественных правил и канонов.

— Талантливый мальчик, — прошептал Кюри, и в его неглупую голову тут же пришла замечательная мысль. — Ты же не откажешься мне помогать, пока я работаю в вашей деревеньке?

2

Закончив работу в провансальской глуши, мсье Кюри возвращался в Лион. Довольный собой, потягиваясь, как кот на солнышке, он спустился с коляски возле своего небольшого дома у самой крепостной стены. Следом за ним на землю прыгнул долговязый мальчишка пятнадцати с половиной лет, щурясь от лучей полуденного солнца.

— Фердинанд, ну наконец-то! — с визгом выбежала навстречу Кюри толстая бабища, одетая в батистовую рубашку и потертое бархатное платье, а за ней посеменила немолодая кухарка с потухшим взглядом и аккуратно уложенными поседевшими волосами.

— Ты хоть заработал что-нибудь в своей

деревне? И кого это ты приволок? — указала она пальцем на Бертрана, что стоял в сторонке, почесывая свои оттопыренные уши. — В доме есть нечего, а ты всяких голодранцев домой привозишь да на колясках разъезжаешь...

— Меня не было лишь полтора года, а ты уже истосковалась, милая? — криво улыбнулся Кюри.

Теперь Бертрану стало ясно, почему лионскому мастеру довелось потратить столько времени на роспись их небольшой церквушки, и почему он так не хотел уезжать, расставаясь со своей юной деревенской служанкой Генриеттой. Заглянув в маленькие злые глаза мадам Кюри, Бертран поёжился и пожалел, что покинул родительский дом.

Но выбор был сделан.

Мессер Кюри был себе на уме. Вместе с мальчишкой работая над фресками сельского храма, мастер увидел в юноше не только талант, но и возможности поживится на этом таланте. Решение взять Бертрана своим учеником в Лион возникло у него ещё задолго до окончания работы над церковными росписями. Родителей ребёнка тоже не пришлось долго упрашивать — они только рады были избавиться от своего непутёвого сына, который теперь целыми днями рисовал да играл на флейте. Что уже говорить о счастье Бертрана,

мечтавшего только об этом!

Ещё с тех пор, когда он увидел представление артистов, Бертран начал утверждаться в мысли, что он не желает всю жизнь копать в земле, как его отец, и не в силах больше видеть грязное бельё из тонкого шелка, которое мать стирает вельможам из замка. Мальчик верил, что где-то вдалеке есть место для такого неуклюжего и странного парнишки, как он.

Но жизнь в городе оказалась не такой сказочной, как мнилось Бертрану. По прибытии его поселили в маленькую каморку, где кроме него жила ещё кухарка семьи Кюри Джулия вместе с десятилетним сыном Доменико.

Когда Бертрана впервые завели в комнату, ему показалось, что он сгорит под враждебными взглядами кухарка и ее сына. За всё время, пока мессер Кюри показывал юному ученику его новый дом, они не проронили ни слова, осторожно наблюдая за своим хозяином и Бертраном. Но когда мессер заговорил с ними на непонятном мальчишке итальянском языке, женщина натянуто улыбнулась и коротко кивнула.

Тогда Бертран ещё не подозревал, что усталая женщина из Вероны с потухшими карими глазами, на несколько лет заменит ему мать.

Итальянка, которая сперва показалась юноше чуть ли не старухой, оказался весьма молодой

женщиной. Бертрана сбили с толку поседевшие слишком рано волосы и впалые глаза, в которых читалось безразличие к жизни. Он привык замечать такие детали, ведь для художника важно смотреть на форму и её содержание. Из Джулии не вышла бы ни святая Катерина, ни обольстительная Саломея. Она скорее напоминала отрешенную греческую богиню, сохранившую остатки былой красоты и созерцающую всю суетность мира из своего уютного уголка на Олимпе, не вмешиваясь в суетные дела смертных.

Её сын, Доменико, был замкнутым и отстранённым мальчиком. Если посмотреть на него в профиль, то острый подбородок и выдающийся лоб превращали его лицо в полумесяц. Мать пыталась далеко от себя сына не отпускать, и вот, Доменико исполнилось уже десять лет, он объездил половину Италии и четверть Франции, но так и остался молчаливым ребёнком со взглядом загнанного в угол дикого кота.

А ещё, ни Джулия, ни её сын не разговаривали по-французски.

Первый муж Джулии умер десять лет назад. Оказавшись на улице после его смерти, вдова с маленьким ребенком на руках пришла служить в богатый дом в Вероне и неожиданно влюбила в себя юного сына своих хозяев. Брак между влюбленными оказался невозможен, и те решили

бежать. У молодого человека были кое-какие сбережения в банке, и непризнанные обществом супруги поехали сперва в Рим, потом в Перуджу, Пизу, Флоренцию, Милан... А два года назад судьба занесла их в Лион. Второй муж Джулии был игроком — он играл в карты, и иногда выигрывал. Но в большинстве случаев, он просаживал семейные деньги, либо убегал от кредиторов в другой город. Лион стал его последним убежищем.

Оставшись вдовой во второй раз, Джулия снова стала искать работу, и вскоре нашла место кухарки в доме Кюри. К счастью, и мессер, и мадам Кюри свободно изъяснялись на итальянском, а Джулия была уже не в тех годах, чтобы пробуждать мужчин на безумные поступки.

После того, как Бертран вторгся в размеренную жизнь вдовы и её сына, на усталом лице женщины начала появляться улыбка. Бертран не понимал по-итальянски, но очень быстро учился, и уже через пару месяцев мог обмениваться с соседями по комнате простыми фразами. Он безропотно помогал Джулии по хозяйству, с радостью играл с Доменико, который вскоре принял юного художника за своего, учил его французскому языку, рисованию и игре на флейте.

Сам того не замечая, Бертран разбудил своей непосредственностью весь дом, да так, что даже вечно недовольная мадам Кюри порой жалела, что

не имеет собственных детей, ведь они бывают такими прелестными! Но близко подпускать к себе мальчишку не собиралась.

Мессер Кюри, который был довольно посредственным художником, брал на дом заказы и отдавал их мальчику. А когда не было работы, то Бертран срисовывал картины Кюри и, как и все ученики-живописцы, делал зарисовки той скудной коллекции их двух статуй в саду своего учителя и лепнины церкви Святого Павла, расположенной в квартале от дома.

Бертран с радостью приступал к любой работе — он разводил краски и готовил доски для живописи, расписывал щиты и делал гирлянды из искусственных цветов, лепил из гипса и вырезал из дерева, дописывал портреты знатных господ, которые не успевал закончить его учитель, и делал для него эскизы фресок, никогда не претендуя ни на деньги, ни на славу, довольствуясь малым. И лишь в тайне от всех юный художник мечтал, что его имя станет таким же известным, как имена Боттичелли, Леонардо и Гирландайо, о которых так много рассказывала ему повидавшая мир Джулия.

Его мечтой стала солнечная Италия, где даже воздух был пронизан высокой поэзией, а философы говорили о красоте и превосходстве человека над всем живым.

Но природная скромность Бертрана и чувство

долга перед своим покровителем не позволяли ему вслух говорить о своих мечтаниях.

— Ведь это я забрал тебя из твоего захолустья, научил всему, что знал сам, дал тебе кров и еду, — часто повторял Кюри. — Ты должен быть благодарен мне за это, мальчик, и не просить большего, чем я могу тебе дать!

3

Однажды, когда Бертрану исполнилось девятнадцать, его тело вытянулось вверх и возмужало, волосы закудрявились, над его губой начал пробиваться темный пушок, а его умения заметно превысили умения Кюри, мессир взял его с собой расписывать стены нововозведённой капеллы в центре города.

Работы в соборе было очень много, а Кюри не хотел лишаться других заказов. Учитель подолгу оставлял ученика одного, всецело ему доверяя и радуясь почти бесплатному работнику. За несколько лет учёбы Бертран так усовершенствовал своё мастерство, что почти все работы Кюри были сделаны руками юного мастера.

В тот день молодой художник заканчивал вырисовывать ангелов на сводах церкви. Их лица Бертран срисовал с мальчиков-хористов и был очень доволен проделанной работой.

В храме, как всегда, было безлюдно. Утром заходил священник, чуть позже Доменико принес Бертрану приготовленный матерью горячий суп.

Только художник закончил трапезу и принялся за работу, как в одетой в леса церкви появился неожиданный посетитель в богатых одеждах. Он обвел свод церкви рассеянным взглядом и чуть заметно улыбнулся, растягивая свои гладковыбритые пухлые щёки и поправляя рыжеватые волосы, что выбились из-под украшенной драгоценными камнями шапки. Бертрану показалось, что он впервые видит этого господина в их городе.

— Говорят, эту церковь расписывает мессер Кюри, — обратился незваный гость к Бертрану. Говорил он на безупречном французском с чуть заметным акцентом.

— Я его ученик, — выпрямился Бертран, взирая на мужчину с высоты лесов. — А у вас есть какое-то дело к мессеру Кюри?

— Да, я пришел убедиться в том, что он остался таким же бездарным художником, каким я знал его лет десять назад.

Бертран негодуя свёл свои густые брови:

— Если вы пришли сюда унижать моего учителя, то лучше вам пойти в другое место.

— Ты слишком дерзкий мальчик, — без злости ответил мсье, будто невзначай поправляя

тяжелый бархатный плащ, подбитый куницей. — А ведь я только хотел восхититься фресками этой церкви. Они на диво хороши!

Бертран смерил незнакомца хмурым взглядом. Недоверие к критику смешалось с интересом к нему.

А господин тем временем продолжал:

— Скажи-ка, юноша... Только честно скажи — ты расписывал всю церковь сам?

— Сам, мсье, — гордо поднял голову Бертран. — Но под руководством мессера Кюри, конечно же, — тут же спохватился он.

— Слышал ли ты о Флоренции? — хитро сощурил свои маленькие глазки рыжий мсье. — О столице искусства, где правит гордый и мудрый Лоренцо Медичи?

— Конечно, — согласно кивнул Бертран, не понимая, к чему клонит гость.

Сколько прекрасного о Флоренции и о других итальянских городах-республиках ему рассказывали Джулия и Доменико! И самые смелые мечты не раз уже уносили его в палаццо Лоренцо ди Медичи, где собраны лучшие произведения искусства, античные статуи и знаменитые полотна...

— Конечно, слышал, — повторил он.

— Когда будешь во Флоренции, зайди в мастерскую к Перуджино. Слышал о таком?

— О да, это прославленный итальянский мастер, — кивнул Бертран, всё ещё не понимая подвоха.

— Подойди к самому Перуджино и проси взять тебя в подмастерья, — мессер откашлялся и продолжил: — Как ученик, ты уже давно опередил своего учителя. Чтобы стать настоящим художником, тебе пора учиться у более умелых мастеров.

Незнакомец развернулся и уже направился к выходу, как Бертран спохватился и крикнул ему вдогонку:

— Но разве он меня возьмет?

Тучный господин лишь улыбнулся и подмигнул юноше.

— А ты рискни! — вместо прощания сказал он. — Перуджино любит отчаянных.

Вернувшись домой, Бертран не удержался и рассказал Джулии о странном госте. О том, как на две головы перерос своего учителя, и как хочется ему стать воистину великим живописцем, чтобы приносить в этот мир красоту искусства.

— Езжай в Италию, — тут же ответила юноше Джулия, измучено улыбаясь. — Будешь дарить красоту в столице искусств! А затем — станешь великим мастером, купишь дом и когда-нибудь заберёшь нас к себе.

— Вы и вправду думаете, что нужно ехать?

— Нужно! Засиделся ты тут уже, Бертран, — Джулия потрепала его по волосам. — Ты, главное, не бойся!

Целый месяц молодой художник вынашивал мысль, как сказать о своём решении Кюри и попросить немного заработанных им за годы работы денег. Но когда он наконец решился и сообщил мессеру о своём решении, тот не только не дал ему ни экю, но тут же выставил за порог, обозвав неблагодарным и не разрешив ни собрать свои вещи, ни даже попрощаться с Джулией и Доменико.

Бертран не нашел ничего лучшего, как отправится в Италию пешком.

4

Сперва Бертран думал поехать домой в Прованс, проведать родных да занять у них денег на дорогу. Но, поразмыслив немножко, представив насмешливые улыбки на лице брата и бывших друзей, разочарованные лица родителей, когда он без гроша в кармане придёт к ним просить подаяния, он решил не делать крюк и отправится из Лиона напрямик в Италию. Конец мая давал юноше надежду на теплую погоду, и он смело вышел за ворота города, наивно надеясь прокормиться придорожными травами, прошлогодними орехами и

грибами-вешенками.

В самые дерзкие мечты Бертрана, раззадоренные розовощекиим незнакомцем в церкви и Джулией, входило прославиться, обзавестись собственной мастерской или, хотя бы, собственной комнатой, а потом приехать домой на упряжке лошадей, раздаривая всем диковинные подарки. Но больше всего ему хотелось творить. Создавать картины, поражающие воображения, расписывать своды костёлов и стены палаццо. Преображать мир красотой живописи.

Пока Бертран шел, предаваясь мечтаниям, он изрядно устал. Домик мессера Кюри остался далеко позади, а перед Бертраном простиралась пыльная дорога, обрамлённая полями зелёной пшеницы. Изредка на ней показывались одинокие всадники, проскакивали груженные повозки и экипажи с завешенными занавесками окнами. Леса, который должен был дать молодому мечтателю пищу, по дороге не случилось — Бертрану хотелось есть. А ещё больше его мучила жажда. Только теперь он начал осознавать всю безумность своего плана. Просить подаяния у встречных путников? «Ну уж нет, пусть лучше я умру от голода, чем попрошу милостыню!» — думал Бертран, собираясь с последними силами.

Наконец остановившись, он устало опустился под сень придорожного дуба и незаметно для себя

успел, совсем не думая об осторожности. Да и что ему было терять? Все равно в сапогах уже отваливались подошвы, шапка изрядно выцвела, а за душой не было ни гроша.

Проснулся Бертран от громких разговоров. Начинался новый день, и вышедшие в поле крестьяне переговаривались между собой, не обращая никакого внимания на лежащего под деревом юношу. Такие беззаботные в своей рутине, что даже завидно становилось. Может, ещё не поздно повернуть назад?

Попросив у крестьян пару глотков воды и съев пучок горькой редьки, которая только разжигала чувство голода, Бертран отбросил предательские мысли и отправился дальше. Шел от так целый день, не останавливаясь, лишь изредка отходя с дороге по нужде или набирая пригоршни воды из придорожных колодцев.

Под вечер дорога привела совсем обессиленного юношу в небольшую деревню. Сперва он хотел пройти её и заночевать в стогу сена на окраине, и уже собирался это сделать, как его окликнула высокая худощавая женщина в ярком зелёном платье, сборчатом переднике и платке.

— Эй, с тобой всё хорошо?

— Со мной? — Бертран повернул к ней бледное лицо, и жалостливая женщина ахнула от неожиданности.

— Да ты на ногах еле стоишь, мальчик! Ты, наверное, не ел уже несколько дней!

— Всего лишь со вчерашнего утра, мадам.

— Зайди в дом, накормлю тебя похлебкой.

Чем богаты — тем и рады.

— Но вы же меня не знаете, — удивился Бертран. — Вдруг я вор или разбойник какой-нибудь...

— Ты точно не здешний. Одежда у тебя хоть и не новая, но слишком уж хорошая, городская, шита по тебе. Значит, с чужого плеча её не снимал, — принялась размышлять вслух женщина, ласково улыбаясь. — На поясе нет ни кошелька, ни даже сумки дорожной на плече. Ни плаща, ни капюшона — или в дорогу ты отправился необдуманно, сбежал из дому по молодости, или на большой дороге проходимцы тебя обобрали.

Пока женщина говорила, Бертран опустился на траву и пораженно выслушивал её простые житейские доводы.

— А вдруг ты убежал из тюрьмы? — внезапно насторожилась она.

— Что вы, мадам! — испугано замотал головою Бертран. — Я художник. Был учеником мессера Кюри в Лионе. Проучился у него почти пять лет, и всё, что мог перенять у мессера, я перенял. А теперь решил поехать повидать античные статуи в саду Лоренцо Медичи, в столице

искусств...

— Это где такая столица?

— Это Флоренция, мадам. Но мой учитель не стал меня даже слушать. Вместо того, чтоб дать мне расчёт за всю проделанную работу, он выставил меня за дверь...

— Бедный мальчик! — всплеснула руками сердобольная женщина. — Заходи, покормлю тебя куриной похлёбкой! Меня зовут Катариной...

Деревенский дом, так напоминавший по запаху его родной, разбудил в Бертрране желание вернуться домой. «Без денег я не уйду далеко», — думал он, жадно уплетая предложенную еду. — «Я не создан для дороги, у меня нет ни изворотливости, ни таланта добывать себе пропитание без единой монеты в кошельке. Да и без самого кошелька. Лучше пойти домой, заработать денег, а потом отправится в Италию...»

Двое маленьких ребятишек возились на лавке, играясь деревянной лошадкой и тряпичной куклой, всё время отвлекая Бертррана от его мрачных мыслей.

— Это моя, я буду играть лошадкой! — вдруг надул и без того пухлые губки старший.

— Не правда, это мне её подарил мсье Жак!

— Всё время ссорятся из-за игрушек, — вздохнула их мать, навешивая обоим оплеуху. — Вот эту лошадку подарил им бродячий жонглёр,

который останавливался у нас полгода назад.

Грубо вырезанная, засаленная лошадка, была любимой игрушкой мальчишек, и Бертрану в голову пришла спасительная мысль.

— У вас есть дерево, пригодное для резьбы? Я делал такие игрушки своему названому брату, Доменико.

Целый вечер ребята крутились во дворе около Бертрана. Они следили, как из-под ножа вылетает стружка и кусок полена становится изящной лошадкой с роскошной гривой. Затем Бертран вырезал всадника и двух алебардистов.

— Эх, были бы у меня краски, я бы раскрасил этих храбрых вояк в цвета войска Его Величества с гербовыми лилиями на щитах, — сказал Бертран, вручая мальчишкам пахнущие свежей стружкой игрушки.

— Какая прелесть! — всплеснула руками Катарина. — Делая игрушки, ты можешь заработать себе на пропитание и ночлег. Через неделю в нашей деревне будет ярмарка. Вот вернётся домой муж, попрошу у него разрешения оставить тебя здесь до воскресенья. Он сможет принести хорошего дерева на твои поделки...

Муж Катарины, Анри, плечистый бондарь с маленькими добрыми глазами на загорелом лице, не возражал, а даже обрадовался ещё одним рабочим рукам.

— У людей сенокос уже давно закончился, а у меня косить некому, — пожаловался он, разводя руками. — Сам же не успеваю никак. Косить умеешь? А я отплачу тебе едой и ночлегом...

Хоть Бертран никогда не любил деревенскую работу, но детство и юность, проведённые в деревне, научили его многому.

Несколько дней в доме расторопного бондаря, его заботливой жены и веселых деток прошли незаметно. «Наверное, странствовать не так уж плохо», — думал Бертран, навьючивая хозяйского осла своими деревянными поделками, собираясь вместе с Анри на ярмарку.

5

Ярмарочный день в деревеньке Анри ничем не отличалась от ярмарки в родной деревне Бертрана. Так же громко кричали торговки, расхваливая свою иссохшую после зимы морковь и брюкву, а в воздухе витал запах свежее испечённого хлеба, леденцов и имбирных пряников. Заезжие купцы продавали втридорога тонкие итальянские ткани, а местные ткачи предлагали домотканые полотна всевозможных цветов и оттенков.

Нагруженный корзиной игрушек, бочками и деревянными кружками, Бертран чуть было не попал под копыта лошади, несущей на себе

потешного «рыцаря» с корзиной на голове и помелом вместо копья. Увертываясь от лошади, он неуклюже опрокинул лоток с овощами. Если бы не подоспевший вовремя бондарь, то подвыпивший торговец, крестьянин с трёхдневной щетиной, которого жена на минутку оставила приглядывать за товаром, хорошо натёр бы художнику уши.

Добродушный детина Анри, успевший уже привязаться к своему робкому, но работающему гостю из Лиона, одной рукой остановил торговца и сказал, обращаясь к Бертрану:

— Многим ты, сынок, окажешься не по душе, многие захотят занять твоё место, унижить тебя. И не потому, что они лучше или ты их чем-то обидел, а просто потому, что ты слабее. Посмотри на себя — кожа да кости. А дорога до Флоренции долгая, и вряд ли это будет последняя дорога в твоей жизни. Твоя простота и наивность не всегда будет располагать к себе людей, как вот мою Катрин... Некоторых она будет злить, другие — будут использовать её в свои корыстных целях...

Деревенский философ вздохнул. Они пробивали себе дорогу к центру рыночной площади, где находилось место под лоток бондаря.

— Вот это место... Знаешь, почему его никто не занимает?

Бертран отрицательно покачал головой.

— Всё просто, — улыбнулся детина и показал

свой огромный кулак.

— А знаешь, почему никто не занимает во-он то место? — он указал на пустое пространство в соседнем ряду между кузнецом и сапожником. — Это место ювелира Рене Эбрео. Все знают, как выгодно соседство с ювелиром, ведь богатые купцы и заезжие рыцари обязательно подойдут к его лотку, а значит обратят внимание и на топоры да алебарды кузнеца, и на новые остроносые пулены² сапожника. У некоторых людей есть сила, а у некоторых — талант и ум. Ты хороший малый, трудолюбивый, талантливый, но вот недостаёт тебе что силы, что ума...

Бондарь опять вздохнул, а Бертран поморщился.

— Но это и не удивительно, — ничуть не смутившись, продолжал бондарь, расставляя пахнущие свежей стружкой бочонки. — Всё это время ты был слугой. Теперь — ты сам себе господин, а в этом деле нужна смекалка. Да не обижайся ты, мальчишка! Добра тебе желаю. Пользуйся своей головой и талантом и, может быть, придёшь во Флоренцию мужчиной.

Весь ярмарочный день Бертран слушал наставления от бондаря, но это не мешало ему продать почти все свои игрушки. На прилавке

---

² Кожаная обувь.

осталась только грубо вырезанная фигурка пляшущей девочки. Её Бертран начал делать во время ярмарки и не успел довести до ума.

— Вот посмотрим, есть ли у тебя смекалка! — решил подшутить над Бертраном бондарь, складывая обратно в корзину непроданные кружки. — Пройдись по рынку, расхвали свой товар так, чтобы его у тебя купили за ту же цену, что и остальные игрушки.

— Но...

— Учись быть мужчиной! — не дал запротестовать Бертрану бондарь, и художник, взяв в руки танцовщицу, пошел между редующих рядов.

— Деревянные игрушки! Игру-ушки! — выкрикивал он.

Несколько женщин тут же заинтересовались, но живо принялись торговаться, не желая переплачивать за столь грубо сделанную работу. И вдруг Бертран оттолкнул женщин и пошел прямо к ступенькам церкви, на которых сидела чумазая девочка лет семи, грызя засохшую горбушку, а рядом, держась за её плечо, просила подавания бабушка, окидывая прохожих взглядом затянутых белой пеленой глаз.

— Тебя как зовут? — не отдавая себе отчёта в действиях, спросил Бертран.

— Клементина, — бойко ответила девочка, поблескивая небесно-голубыми глазами.

— В детстве я знал девочку, которая была похожа на тебя. Я хотел узнать её имя, но не решился спросить... Она танцевала.

Бертран протянул семилетке деревянную игрушку, и девочка, вместо того, чтобы по-детски радостно схватить её и повертеть в руках, заморожено смотрела на фигурку, боясь прикоснуться к столь дорогому подарку, а потом посмотрела на Бертрана и улыбнулась.

— Бабушка, мне подарили девочку, которая танцует... — прошептала Клементина.

— Тебе нравится? — спросил Бертран.

— Очень! — наконец-то завертела игрушку в руках чумазая семилетка.

— Ты когда-нибудь ещё встретишься с той девочкой, — хриплым голосом выдавила из себя слова бабка, и её невидящие глаза смотрели на Бертрана. — И сможешь спросить её имя...

Холодный пот пробежал по спине Бертрана. Он развернулся и, не оборачиваясь, пошел прочь от девчонки и её странной бабушки, а со спины доносился старческий голос:

— Не уходи, не узнав её имени!

6

Бертран вышел на рассвете и дорога показалась ему лёгкой. В кошельке, подаренном

Катериной, звенели монеты, в сумке-сухарке лежал ещё тёплый кусок мясного пирога, несколько пригоршней орехов и глиняная фляга с водой.

Целый день Бертран шел, почти не останавливаясь. И лишь под вечер, когда холмы начали превращаться в горы, а в воздух появилась прохлада, он нашел себе подходящий стог сена и заночевал в нём, укрывшись купленным на ярмарке тонким шерстяным плащом.

Каждое утро встречало Бертрана ярким солнцем, а дорога манила к столь дорогой его сердцу цели.

Заработанных денег было достаточно, чтобы не умереть с голоду ещё неделю, питаясь, и даже изредка ночуя в придорожных постоялых дворах. Бертран вырезал себе флейту и часто развлекал постояльцев старинными провансальскими напевами, зарабатывая этим звонкую монету у выпивших и оттого щедрых посетителей.

Чем ближе художник подходил к французской границе, тем выше становились холмы, и тем более странным становился французский язык, причудливо вплетая в себя итальянские слова.

В одной из таких пограничных деревень Бертрана, приняв за бродячего музыканта, затащили на сельскую свадьбу. Это оказалось как раз кстати, поскольку кошелёк начинал пустеть, а за музыку принято платить.

Свадьба была веселее любых сельских свадеб, когда-либо виденных Бертраном. И наутро после неё он проснулся с головной болью под столом хозяйского дома.

Кошелёк был крепко привязан к поясу и в нем насчиталось больше денег, чем было раньше. Это открытие удовлетворило Бертрана. Он решил не терять времени и, собрав со стола остатки еды в сухарку, не обращая внимания на мирно посапывающие вокруг тела, отправился на улицу.

Но там его ждало разочарование — Бертран не знал ни где он находился, ни в какой стороне располагался тракт, по которому он шел.

Полусонный мужчина выполз вслед за ним из дома и сощурился от яркого солнца.

— Мсье, доброе утро! Как мне выйти на тракт?

Всем своим видом мужчина показал, что утро никак не может быть добрым.

— Я ищу дорогу, ведущую в Италию...

— А-а-а, так бы сразу и сказал! — обрадовался мужчина, обладавший сильным итальянским акцентом. — Покажу тебе самый короткий путь! Вон там: прямо и налево!

Бертран поблагодарил кивком головы и побрёл в указанную сторону.

Дорога за деревней была грунтовая, хоть хорошо утоптанная ногами путников и конскими

копытами. Но прохожих оказалось настолько мало, что Бертран пожалел, что послушался совета нетрезвого доброжелателя и свернул с главного тракта с его поселками и постоялыми дворами.

Пока солнце было благосклонно к путнику, а горы дарили прекрасные пейзажи, Бертран не унывал, бодро шагая вперед и устраиваясь на ночлег в пастушьем шалаше.

Но следующий день, встретивший юношу, как прежде, ярким солнцем, недолго радовал Бертрана теплом. Чем выше он поднимался в горы, тем ближе надвигалась огромная туча. Не прошло и полдня, как по пыльной дороге забарабанил дождь.

Бертран знал по рассказам, что дожди в горах могут заканчиваются за час, а могут длиться по несколько дней. Кутаясь в продуваемый ветром плащ, Бертран безрезультатно искал какое-нибудь укрытие. Он был один посреди мокрой дороги, да и в животе урчало, будто во время урагана.

Художник не помнил, сколько он шел, пока вдалеке над дорогой не увидел каменных сводов.

Подойдя ближе, Бертран понял, что находится близ монастыря. Он долго колотил в двери, и уже потерял всякую надежду укрыться от дождя в горной обители, когда смотровое окошко отворилось и в нем показалось осунувшееся лицо старой монахини. Увидев Бертрана, чей замёрзший вид вызвал бы жалось даже у самого

жестокосердного обывателя, монахиня перекрестилась и сняла щеколду, отворяя дверь.

Бертрана разместили в небольшой уютной келье на нижней галерее. Монахини принесли ему горячего вина и чечевицы с мясом. Видя, как он слаб и простужен, ничего у него не расспрашивали.

У юноши был жар. Его уложили в постель и умоляли поспать, но Бертран начал бредить. Только к полуночи, благодаря заботам сестёр, ему удалось забыться.

И лишь на следующий день, когда жар немного спал, к Бертрану подошла мать-настоятельница. Она принесла лекарства, заставила его помолиться вместе с ней, и принялась за расспросы.

— Меня зовут сестра Елизавета, я настоятельница обители Святого Причастия, в которую ты вчера по воле судьбы пришел.

От сестры Елизаветы пахло травами и корицей. Бертран сразу проникся расположением к этой сердечной женщине и поведал ей свою историю.

— Ну что ж, не зря Господь послал тебя по этой заброшенной тропинке! Сестра Лючия, которая пятнадцать лет занималась написанием святых на дереве, уже год, как отправилась в Царствие Небесное, а святые на досках нашего храма хорошенько состарились — краски

потускнели и потрескались от сырости. Может, попробуешь привести их в надлежащий вид?

— Я только рад оказаться полезным! — выразил готовность Бертран и на следующий же день, вопреки попыткам монахинь удержать его в постели, выбрался из своей кельи и принялся за работу.

Он разводил старые краски в ореховом масле, замешивал клей и долго рассматривал каждую тоненькую линию довольно искусно написанных святых великомучеников, которые опять оживали под его кистью.

В монастыре Бертран провёл две недели. Каждое утро начиналось с первыми лучами солнца. Елизавета принесла ему молитвенники, и живописец должен был начинать свой день с молитвы. Набожностью юноша никогда не выделялся, но примерно отчитывал по одной-две молитвы каждое утро, а иногда ему даже разрешалось посещать обедню.

Тихие монахини, одетые в белые чепцы и чёрные сутаны, вначале с интересом смотрели на него, изредка справляясь о здоровье мсье художника, но, пристыженные матушкой-настоятельницей, вскоре перестали оказывать ему какие-либо знаки внимания.

Рисовал Бертран всегда в одиночестве и был несказанно рад этому. Не шибко веря церковным

догматам, художник безумно любил сами церкви, их высокие потолки, пилястры, запахи ладана и выцветшие фрески. В храме всегда царило такое спокойствие, что Бертрану порой казалось, ради этого спокойствия он мог бы бросить всё и сам укрыться в каком-нибудь далёком монастыре.

«А что», — думал он, — «истории известны монахи, которые стали знаменитыми художниками».

Такие мысли крутились в голове Бертрана только в первую неделю. К концу второй ему уже безудержно хотелось побыстрее закончить работу и продолжить свой путь во Флоренцию, к славе, всемирному признанию, беспечной жизни и Бог-его-знает чему ещё. Тем более, в горах опять распогодилось. Лето набирало оборотов, и Бертран, приняв скудные подарки и богатые напутствия, отправился дальше. К морю.

7

Вечер выдался на диво холодным. Сказывалась близость моря, и недолеченная простуда Бертрана опять напомнила о себе. Да и горы, что назывались Лигурийскими Альпами, оказались выше, чем Бертран предполагал.

Замок, о котором рассказал Бертрану проезжающий мимо всадник, показался только с

наступлением сумерек. Он был мощной крепостью, расположенной между скал и сулившей Бертрану безопасный ночлег в тёплой постели постоянного двора.

Но ворота замка оказались закрыты, и похоже было, что стража не спешила их открывать. Молодой художник напрасно стучал в ворота — никто даже не вышел к нему.

Разочарованный путник не нашел ничего лучшего, как пойти ночевать в лесок, покрывавший близлежащий холм зелёной шапкой.

Подойдя ближе, Бертран заметил отблески костра, пляшущие между деревьев. Обрадовавшись находке, он смело пошел навстречу манящему огню.

— Добрый вечер! — обратился он к сидящем вокруг костра мужчинам.

Их было семеро, и все, как на подбор, рослые и мускулистые, одетые в дорожные капюшоны и смешные итальянские шапочки. Против них Бертран казался совсем маленьким щуплым парнишкой.

— Добрый! — ответил один из них, помешивая ложкой пряное варево в котелке.

— Можно у вас погреться?

— Садись, грейся, — добродушно ответил он.

— Меня зовут Бертран. Я художник. А вы кто?

— Мы? — мужчины переглянулись. — Дровосеки мы. Вернуться домой в город до наступления темноты не успели, вот и ночуем здесь.

— А что, ночью в крепость не пускают?

— Разбойников боятся, — хмыкнул один из них.

Костёр потрескивал тихо-тихо. Языки пламени рисовали причудливые картины на фоне ночи. Правда, Бертран начал видеть эти картины только после второго стакана виноградной водки, когда тело согрелось, а разум расслабился, давая свободу воображению.

Дровосеки одну за другой рассказывали забавные истории, и Бертран, хоть и не всегда понимал их быстрые речи, пришел в прекрасное расположение духа.

Убаюкивающие заиграла дудка и зазвучали незамысловатые куплеты старинной баллады, проникая Бертрану в сны.

Утром художник проснулся от холода и обнаружил себя, как и прежде, лежащим у кострища. Новенький плащ, укрывавший Бертрана, исчез. Исчезли и его ночные соседи.

Огонь уже потух, но угли ещё слегка дымились и источали слабое тепло.

«Значит, недавно ушли», — между прочим,

отметил Бертран, отгоняя от себя сон.

Вдруг он похлопал себя по бокам, принявшись проверять свои сбережения. Ни сухарки с запасом еды, ни новенького кошелька со звонкими монетами на поясе не оказалось. Да и самого пояса не было.

Но как бы недавно не ушли грабители, догонять их не было смысла, ведь Бертран осознавал — один в поле не воин.

Обижаясь на свое легковерие, юноша умылся ледяной водой из небольшого горного ручья, сделал несколько глотков и отправился в город.

На этот раз ворота были открыты, и Бертран спокойно прошел внутрь. Городок был небольшим, но шумным. Жили в нем кораблестроители, которые днём работали у моря на верфи, а вечером возвращались за надёжные крепостные ворота. К обеду сюда сходились рыбаки из прибрежных деревень, и город наполнялся запахами моря.

Утро выдалось прохладным, к тому же, голод постепенно давал о себе знать. Бертран ходил по неухоженным улицам города в надежде найти какую-либо работу, но в замке разнорабочий никому не был нужен.

— А ты на верфь сходи, там лишние руки всегда нужны. Вот только хиленький ты какой-то, — сказала краснощёкая бабушка-торговка.

Кораблестроение всегда казалось Бертрану жутко сложным делом. И он долго ещё слонялся по городу, пытаясь найти что-то попроще, но в конце концов сдался.

Придя на верфь в то время, когда работники как раз сели обедать, он долго рассматривал их обветренные лица, потрёпанные куртки и скудные трапезы. Высматривая, к кому бы обратиться с просьбой наняться на работу, Бертран остановился на смуглом верзиле, в ярко-синей короткой куртке, которую итальянцы называли джорне.

— Ты что делать умеешь? — сразу же вопросом на вопрос ответил верзила.

— Я художник, — смущаясь его хмурого взгляда, ответил Бертран.

— Художники нам не нужны, — холодно сказал мужчина. — Это в Генуе вырезают на носу всяких диковинных чудищ и мифических созданий, покрывая их золотом. Мы здесь строим, и скульпторы да рисовальщики нам ни к чему.

— Но я могу строить! — отчаялся Бертран. — Вы только скажите, что надо делать — я научусь! Я учусь очень быстро!

— А ты, похоже, не ленивый парень, — заметил верзила, чуть улыбаясь. — Что, умыкнул из деревни себе невесту, а кормить её нечем?

— Да нет, во Флоренцию иду, в мастерскую поступать.

— Деньги закончились?

— Обокрали вчера...

— Ну, это у нас бывает. Хорошо хоть какую-то одежду оставили. Смотри, и сапоги не сняли... Правда, они у тебя сами, того и гляди, каши запросят.

Бертран грустно кивнул, пытаясь прикрыть правой ногой дыру в левом сапоге.

— Так вы дадите мне какую-то работу?

— Пойдём сперва со мной.

Верзила отправился к группе мужчин, жарящих на костре нанизанные на тонкие жестяные пруты мидии.

— Покормите-ка этого парня, братцы, — сказал он. — А я пока узнаю, не отправляется ли у нас чего в Тоскану.

Мужчины согласно кивнули, продолжая насвистывать весёлую песенку.

Один из них, долговязый парень с трёхдневной щетиной, протянул Бертрану прутик с мидиями, от души сдобренными специями и перцем.

— А это был кто? — спросил Бертран, уплетая угощение и кивая в сторону верзилы.

— Это начальник верфи, сеньор Пауло. Добрейшей души человек.

— С виду не скажешь. Суровый он какой-то, — хмыкнул Бертран.

— Эй, маляр, иди-ка сюда! — раздался голос за его спиной.

Сзади стоял тот самый сеньор Пауло и деловито щёлкал тыквенные семечки.

— Ты удачливый малый, — сказал он, когда Бертран подошел ближе. — Торговое судно из Ниццы уже неделю стоит в нашем порту. Капитан собирался отдавать швартовые сегодня утром, но потом внезапно решил остаться здесь ещё на день.

— Корабль плывёт во Флоренцию? — обрадовался Бертран.

— Не корабль, а судно, и не плывёт, а идёт, — учительским тоном объяснил Пауло. — А направляется оно в Рим с остановкой в порту Пизы. Там уже до Флоренции рукой подать!

— Но у меня совсем нет денег, чтобы заплатить...

— Ты говорил, что можешь делать любую работу? Их повар захворал, и теперь он не успевает вовремя кормить команду. Идти до Пизы несколько дней, как раз поможешь на кухне, пока повар не поправиться.

— Но я не умею готовить! — ужаснулся Бертран.

— Ты же сказал, что быстро учишься? И вообще — ты хочешь добраться до Пизы или будешь и дальше морочить мне голову?

— Куда идти? — тот час прекратил панику

пристыженный Бертран.

Пауло молча махнул рукой, призывая юношу следовать за собой.

Бертрану и прежде доводилось видеть море. Он вырос в Провансе и не раз убегал из дому с другими мальчишками, проделывая дневной путь, чтобы только послушать шум моря и окунуться в его лазурные волны.

Иногда ребята видели военные корабли и торговые суда, плывущие в порта Ниццы и Марсея. Тогда они представляли себя смелыми мореплавателями, первооткрывателями и пиратами.

Они делали плот из брёвен, связывая их крепкой верёвкой, пускали его на воду и разыгрывали взятие судна на бордаж.

Но Бертрану никогда не везло в этих играх. Плавал он плохо, поэтому его пугала возможность свалиться в воду и остаться навеки в царстве лукавых русалок и липких водорослей. Поэтому будущий художник предпочитал оставаться на берегу, подбадривая товарищей мелодичными звуками флейты.

...Ступая на борт, Бертран чувствовал в груди безумный трепет. Под его ногами лежали просмоленные доски настоящего торгового судна! Вот бы мальчишки обзавидовались, — подумал он и вдруг осознал, что мальчишки уже давно

выросли, многие из них сами стали моряками и, возможно, он даже встретит кого-то на этом судне.

Внезапная тоска по дому отвлекла его от страха перед кубриком, где обитал бородатый и очень тучный мужчина — корабельный кок.

— Проклятая мигрень, замучила совсем, — сказал он по-французски, кряхча и охая. — Хорошо, что ты мальчик — француз. А то я бы никогда не пустил этих бездельников-итальяшек к себе на камбуз. Готовить умеешь?

— Не очень, — честно сознался Бертран. — Но под вашим руководством, мсье, я уверен, у меня получится неплохо.

— Получиться, — по-дружески пнул юношу в плечо кок. Так по-дружески, что на плече остался синяк. Но подбодрённый Бертран уже чувствовал себя значительно лучше.

Порт Пизы показался через четыре дня. Легкий парусник без труда вошел в устье реки и пришвартовался у берега.

Готовить Бертран так и не научился — целыми днями его тошнило от корабельной качки. Зато художник вдоволь наслушался насмешек моряков и брани корабельного повара. Кок был просто счастлив расстаться с юношей в Пизе, да и Бертран при первой же возможности спрыгнул на берег и, не теряя времени, отправился дорогой во

Флоренцию, зарёкшись когда-либо ещё садиться на борт корабля.

8

Ворота города распахнулись перед уставшим Бертраном, но в город стражники его пускать не спешили. Одежда лохмотьями свисала с плеч молодого человека, чёрные волосы слиплись длинными грязными прядями, а сапоги, истоптанные горными дорогами, уже давно утратили очертания сапог.

— Ты кто такой и зачем пожаловал?

— Я художник! — хриплым от простуды голосом ответил юноша. — Я приехал наниматься в мастерскую к мессеру Перуджино.

— Француз? — скривился стражник, услышав в итальянской речи французское произношение. — Вот так сразу и к Перуджино!

— Я из Прованса. Меня зовут Бертран, шесть лет я учился малярству в Лионе у господина Кюри...

— Видать, не очень хорошо учился, а то бы не шел с самого Лиона пешком, — засмеялся стражник, поглядывая на стертые сапоги Бертрана. — Если ты художник, а не голодранец, пришедший просить милостыню, нарисуй-ка мой портрет! — хохотнул стражник.

— Так... Обокрали меня по дороге — совсем не на чем писать... Был клочок бумаги и уголь, подаренные в монастыре Святого Причастия, но...

— Я тут вчера одного очень нетрезвого живописца на краже поймал. Вот, держи, маляр!

Стражник достал из сумки деревянную дощечку и мел и протянул Бертрану.

— Или тебе холст и краски подавай? — съязвил он.

— Да я и мелом могу, — пожал плечами француз.

Деловито посматривая на посмеивающегося стражника, пытаюсь разобрать его очертания в сгущающихся сумерках, юноша принялся зарисовывать на дощечке контуры его затянутого жиром лица. Остальная стража стояла чуть в сторонке, уступая прихоти старшего по званию и не вмешиваясь.

Несколько минут Бертран увлечённо рисовал, не обращая внимания на заинтересованные взгляды проходивших мимо флорентийцев и крестьян, и готов уже было показать работу толстому стражнику, как возле него остановилась компания молоденьких горожанок.

— Добрый вечер, сеньор Амброжио! — весело обратилась к стражнику одна из них, небрежно подмигивая остальным.

Несмотря на пожилой возраст, стражник

смутился под пристальным взглядом миловидной девушки. Краснея, он ответил:

— Добрый день сеньорина Беатриче. Как прошла ваша прогулка с подругами?

Светловолосая девушка, видимо ожидавшая именно такой реакции, приняла властную позу, выпячивая наперед свою грудь, подчеркнутую корсажем своего простого зеленого платья.

— Просто чудесно! Моя рубашка до сих пор не высохла от купания, — обольстительно улыбнулась она, подергивая себя за манжет. — А этот милый художник наверняка пишет с вас портрет какого-нибудь архангела небесной стражи?

— Что вы, дона! Этот... Этот бродяга выдаёт себя за художника. Гляди, и чуму в наш город занесёт! — надул щёки стражник, неприязненно взглянув на беднягу Бертрана. — Я решил проверить, действительно ли он тот, за кого себя выдаёт. Идёт устраиваться в мастерскую к самому Перуджино! А он абы кого себе в ученики не берёт — запомни, проходимец!

— А ну-ка, поглядим, что ты тут намалевал! — выхватила дощечку из рук Бертрана девушка, и вся компания юных созданий, держащаяся немного в сторонке, сейчас же окружила Беатриче и принялась с интересом рассматривать зарисовку. Тут же на их лицах начали загораться улыбки, и они хитро